

***Панова Ирина Михайловна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

ИЗ РАССКАЗОВ РОДСТВЕННИКОВ О ВОЙНЕ

Когда началась война, мне было всего 5 месяцев, об этом времени я могу написать только из воспоминаний моих старших сестёр, родители умерли.

Отец из Белоруссии - Озеряне. Мама с Украины- Черниговская обл. Прилуки. У отца родственников не было, т.к. примерно в 1920 г. две его сестры эмигрировали в Америку. Маминых родственников почти всех расстреляли немцы. Из семи детей осталось трое. Два брата вернулись с войны, один пропал без вести, он служил во флоте. Папа закончил в Ленинграде Строительный Институт. Получил комнату и привёз маму. В 1932 г. родилась старшая сестра, в 1936-средняя, я - в 1941. Старшая закончила Финансово-Экономический институт,

средняя - Медицинский, я- Политехнический. В данный момент старшая сестра живёт в Израиле, средняя - в Германии, я - осталась здесь, имею двоих детей: сына-1966 г., дочь -1973, троих внуков. После войны отец работал в Ленстройпроекте, мама работала швей.

Жили мы на Петроградской стороне, на улице Пудожской, недалеко от организации «Хэсэд Авраам». Когда началась блокада, папа уже был на войне, а мама с тремя девочками – старшими сестрами 9 и 5 лет, и мной грудной, чтобы не умереть с голоду, устроилась на хлебозавод в охрану. Были сильные морозы и мама ходила в огромных валенках. Хлеб с завода выносить запрещалось, но маленькие кусочки люди старались выносить, чтобы спасти голодающих людей. Мама на проходной «закрывала глаза» на это и в «награду» ей в валенки иногда кидали корочки хлеба, которые она приносила домой. Сестры съедали все до последней крошки, а мне давали сосать корочки.

Потом разбомбили Бадаевские склады и люди собирали землю, смешанную с остатками сахарного песка. Его фильтровали, морозили и сладкую водичку давали детям.

Затем нас эвакуировали в Удмуртию в г. Глазов, потом в Камбарку. Кажется, это было в августе 1942 года. На полустанке во время бомбежки чужая женщина, бездетная учительница, уговаривала мать отдать меня ей, говорила, что всех троих мама вряд ли спасет. Но мама сказала: «Я лучше сама похороню, чем буду знать, что где-то мой ребенок, жив или нет». В Удмуртии также было нелегко выживать. Мама как-то взяла старый отцовский костюм и скатерть, и пошла через реку по льду на рынок, обменять все это на муку и другие продукты. Поменяв, она вечером шла обратно по льду. Был март, ветер и мокрый снег. Лёд стал прогибаться и трещать. Мама, что есть силы, звала на помощь и молилась. Вокруг никого не было. Мешок она не могла выпустить из рук, без продуктов возвращаться было нельзя. Валенки стали намокать, мама ползла и кричала. Вдруг из темноты появился лыжник, протянул ей палку, вытащил ее, поставил сзади себя на лыжи и так довел до берега. Мама считала, что ее спас ангел.

Как жила семья большая

В дальней стороне?

Очень просто – голодала,

Как в народе, все.

Дети чахли и болели,

Не было лекарств.

Ели репу, ели травы,

И грибы в лесах.

Как-то мать ушла на рынок,

Чтобы поменять

Взятые из дома вещи

На «съестную кладь».

За окошком непогода,

Мокрый снег, пурга.

Потеряла след, дорогу,

Перед ней - река.

Лед прогнулся, трещит – тонок,

Скинуть груз нельзя,

Крикнула с надеждой богу:

«Верю я в тебя...»

Вдруг из мрака и метели

Лыжник в белом мчит,

Палку протянул, поставил

Позади себя.

Мать одной рукой за пояс

Держится, другой –

Крепко обхватила ношу,

Свой мешок с мукой.

«Ангел» вытащил на берег,

Палкою взмахнул – исчез,

Как приведенье...

Мать пошла домой.

Ведь мы выжили, здоровы –

Встретились с отцом,

Но про этот случай «божий»

Не забыл никто!

Это стихотворение я написала, когда составляла эти воспоминания.

В конце 1945 года союзники-американцы помогали подарками, вещами, продуктами. Мне было уже 4 года, и я помню, как мама надела на меня, вместо платица, выданную ей из посылки блузку красную с белыми горохами – она мне была до пят. Помню галеты, конфеты и очень вкусную тушенку, которая открывалась ключиком.

Когда мы вернулись в Ленинград после снятия блокады, узнали, что нашу комнату заняли чужие люди. Вещи были разворованы. С большим трудом, когда уже отец вернулся с фронта, нам на 6-ом этаже дали другую комнату в коммунальной квартире.

Отец рассказывал как анекдот один случай. Как-то, очень усталый, он вернулся в блиндаж, снял отсыревшие портянки и повесил их на гвоздь, недалеко от кровати. На следующий день его срочно вызвали в штаб, где он получил серьезный выговор. Оказывается, на гвозде, куда он повесил портянки, висел вырезанный из газеты, портрет Сталина! Кто-то доложил. Отца пожалели, потому что у него большая семья, а так бы его арестовали за неуважение к «отцу народов».

P. S.: напротив и слева от метро «Чкаловская», недалеко от «Хэсэда», очень долго не разбирали развалины дома, разрушенного от прямого попадания бомбы. В работах участвовали пленные немцы, мы за ними наблюдали из детского садика. Когда я видела пленных немцев, мне было 5 лет. Кроме любопытства, ничего не испытывала. Воспитатели - ни ненависти, ни жалости при детях не проявляли.

18.03.2013 – 26.04.2013